

Грехова Нина Николаевна

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ НЭПА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

В статье на основе комплекса различных документов и материалов, в основном архивных, раскрываются проблемы и особенности развития сельскохозяйственной кооперации в условиях новой экономической политики. Основное внимание акцентируется на выявлении тенденций и противоречий в кооперативной политике государства, приведшей в конце 1920-х гг. к полному огосударствлению кооперации в деревне. Анализируются социальный состав и численность сельскохозяйственных кооперативов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. **Эйзенштадт Ш.** Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/782067> (дата обращения: 07.08.2010).
13. **Bourdieu P.** The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education / ed. by J. Richardson. N. Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.
14. **Castaldo S.** Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions: Paper Presented at Second Euram Conference. Stockholm, 2002.
15. **Castaldo S.** Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies: Paper Presented at the 19th IMP-conference in Lugano, Switzerland. 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://impgroup.org/paper_view.php?viewPaper=4317 (дата обращения: 07.08.2010).
16. **Coleman J. S.** Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. № 94. P. 95-120.
17. **Putnam R.** Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1983. 280 p.

SYSTEMATIZATION OF SCIENTIFIC APPROACHES OF STUDY OF TRUST PHENOMENON IN NATIVE AND FOREIGN SOCIOLOGY (BIBLIOGRAPHIC ANALYSIS)

Glushko Irina Vasil'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Azov – Black Sea State Agro-Engineering Academy
glu-ir@mail.ru

In the article the sociological expositions of trust are discussed, their generalities and peculiarities are studied. On the basis of the analysis and systematization of sociological trends and schools the author comes to the conclusion that the dominance of specific sociological approach, which considers trust under one point of view, does not give a comprehensive picture of such a multidimensional social phenomenon. The thesis about the fact that the variety of the sociological interpretations of trust is formed due to the research potential of the systemic theories of society that reflect the peculiarities of trust formation at all social levels is formulated.

Key words and phrases: analysis; scientific approach; distrust; systematization; typologies of trust.

УДК 947.084.3

Исторические науки и археология

В статье на основе комплекса различных документов и материалов, в основном архивных, раскрываются проблемы и особенности развития сельскохозяйственной кооперации в условиях новой экономической политики. Основное внимание акцентируется на выявлении тенденций и противоречий в кооперативной политике государства, приведшей в конце 1920-х гг. к полному огосударствлению кооперации в деревне. Анализируются социальный состав и численность сельскохозяйственных кооперативов.

Ключевые слова и фразы: нэп; кооперативная политика; сельскохозяйственная кооперация; «дикие кооперативы»; крестьянство; огосударствление кооперации.

Грехова Нина Николаевна, к.и.н., доцент

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
n_grehova@mail.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ НЭПА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ[©]

Исследование проблемы сельскохозяйственной кооперации в условиях нэпа представляет особый интерес и дает возможность показать противоречивость и непоследовательность политики советского государства в аграрном секторе, позволяет раскрыть процессы его огосударствления. Развитие кооперации в деревне в годы нэпа было важнейшим направлением аграрной политики государства. Сельскохозяйственной кооперации отводилась немаловажная роль в увеличении товарности крестьянских хозяйств, развитии товарно-денежных отношений в деревне. Вместе с тем, в исторической литературе, несмотря на активное исследование кооперативного строительства в деревне в 1920-е годы, еще не выявлена окончательно сущность «нэповской модели кооперации», ее взаимоотношений с государственной властью.

Теоретической основой политики государства в области сельхозкооперации в связи с переходом к нэпу стал декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации». Он провозглашал ее отделение от потребительской кооперации и оформление сельскохозяйственной кооперации в самостоятельную кооперативную систему, призванную решать широкий круг задач подъема единоличного крестьянского производства и приспособления его к условиям рынка [11, ст. 434].

Переход от «военного коммунизма» к нэпу создавал определенные благоприятные хозяйственные условия, необходимые для развития кооперации. Однако материальная база и накопления сельской кооперации были либо уничтожены во время войны, либо конфискованы государством, и налаживать деятельность кооперации в первые годы нэпа приходилось практически заново, без материальной базы и сложившейся организационной структуры.

Кооперация в деревне на первых порах развивалась с большими трудностями и крайне медленно. Подъем кооперативного движения сдерживался, прежде всего, общим упадком сельскохозяйственного производства, низкой товарностью крестьянских хозяйств. Так, общая товарность сельского хозяйства по РСФСР в 1921 г. составляла всего 10-15% против 34% в довоенный период и даже в 1924 г. еще до одной трети сельскохозяйственного оборота в центральных губерниях России осуществлялось на базе не денежного, а натурального обмена [5, с. 76].

Однако не только упадок производства и обмена сдерживал развитие кооперации. Серьезным препятствием в кооперативном строительстве в начале нэпа являлось то, что ее возрождение осуществлялось преимущественно усилиями «сверху». Это обстоятельство отмечалось и в материалах обследований кооперации наркоматом РКИ, и в выступлениях ее руководителей. «Мы пережили, примерно, два-три года нэпа, – отмечал в своем выступлении на XV сессии Сельскосоюза в ноябре 1924 г. член правления Союза А. П. Спунде, – когда мы чрезвычайно бурно, это правда, строили кооперацию сверху... Нет серьезного движения вниз» [7, д. 30, л. 68].

Кроме того, сельскохозяйственная кооперация строилась сверху донизу как универсальная система: Сельскосоюз – губернские союзы – первичные кооперативы. Стремление организационно связать все кооперативы, лишив их самостоятельности, подрывали кооперативные принципы и доверие крестьян. В хозяйственных и политических условиях начала 1920-х гг. последствия необоснованного навязывания централизованных форм развития сельскохозяйственной кооперации сказывались особенно остро. Даже та часть крестьянства, которая имела средства, боялась вкладывать их в кооперативный оборот и производство. Значительная часть крестьян, вступив в кооперативные объединения, не делала паевых взносов. Так, из 25 кооперативов, являвшихся членами Нижегородского губернского союза сельскохозяйственной кооперации, паевые взносы на 1 ноября 1921 г. были уплачены лишь 7 кооперативами [6, д. 20, л. 54]. В целом доля собственных вкладов многих кооперативных объединений Нижегородской губернии на протяжении всех 1920-х гг. была чрезвычайно мала. Паевые вклады в кредитных кооперативах Нижегородского губсоюза в 1926 г. составляли 2 руб. 05 коп., а в сельскохозяйственных – всего 53 коп. [8, д. 318, л. 7].

Резкое преобладание заемных средств над собственными имело отрицательные последствия для кооперации, вело к усилению задолженности кооперативов, как у государственных органов, так и у частных лиц, лишало кооперацию хозяйственной самостоятельности. Так, задолженность Вятского губсельсоюза в 1923 г. составляла 82% его баланса [6, д. 20, л. 75].

Кроме того, сельскохозяйственная кооперация терпела убытки из-за несовершенства налогового обложения. Серьезным тормозом в развитии кооперации оставались и элементы администрирования. Доверие крестьян к кооперации подрывалось частыми и необоснованными передвижками кооперативных кадров, осуществляемых сверху, направлением в кооперацию партийных и советских работников на «кормление», чрезвычайным бюрократизмом по отношению к низовой кооперативной сети.

Толчком к перестройке работы сельскохозяйственной кооперации стал «новый курс» политики в деревне, провозглашенный осенью 1924 г. и нацеленный на экономический подъем «всей крестьянской массы». Кооперация получила дополнительные импульсы для своего развития: удешевление кредита и укрепление ее финансовой базы; первоочередное предоставление товаров и средств производства; право самостоятельного выхода на внешний рынок. Ставились задачи децентрализации, расширения демократических и самостоятельных начал, особо подчеркивалась недопустимость администрирования, ущемления прав кооперации.

Для 1924-1925 гг. был характерен поиск наиболее рациональных форм и видов крестьянских кооперативных объединений. Развитие кооперации в эти годы происходило не только в территориальном, но и в отраслевом плане. Наибольшее распространение стали получать специализированные кооперативы (льноводческие, молочно-животноводческие, мелиоративные и т.п.). Так, из 242 кооперативов, возникших в Нижегородской губернии в течение 1924-1925 гг., 172 имели уже отраслевой характер [12, д. 226, л. 154]. В Вятской губернии в 1924 г. было создано 49 кредитных объединений, а в 1925 г. их число увеличилось уже до 226 кооперативов. Ими было охвачено 71 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло 18% всех крестьянских хозяйств губернии [6, д. 436, л. 12]. Был значительно увеличен кредит сельскохозяйственной кооперации. По сравнению с 1923/24 г. он возрос в 1925 г. на 3 514 840 рублей [3, с. 94]. Вместе с тем, в осуществлении кредитной политики местные власти допускали ряд серьезных ошибок. Получая на льготных условиях значительные суммы для целевых долгосрочных кредитов, они направляли их в краткосрочные ссуды, за которые получали довольно высокие проценты. Весьма затруднительно было получить кредит вновь созданным товариществам.

Развитие хозяйственной инициативы крестьянства, расширение низовой сети кооперации привели к росту так называемых «диких» кооперативов, т.е. объединений, основанных по правилам, предусмотренным законодательством, но не зарегистрированных и не являвшихся членами союзов. В 1925 г. в целом по РСФСР «дикие» кооперативы составляли 40% от числа сельскохозяйственных кооперативов, входивших в различные Союзы [10, с. 23]. Характерной особенностью развития кооперации Нижегородской и Вятской губерний являлось то, что процент «диких» кооперативов здесь был гораздо выше, чем в других регионах страны и в целом по РСФСР. Союзной системой в Нижегородской губернии было охвачено не более 20% низовой сети сельхозкооперации и 80% ее находилось на положении «диких» кооперативов [12, д. 3492, л. 47]. В Вятской губернии на 1 октября 1925 г. насчитывалось 2616 кооперативов и только 345 из них входило в состав Союзов [8, д. 318, л. 194]. Причинами сохранения независимости кооперативов от районных и центральных союзов были не только недостатки организационной работы этих органов, но и недоверие к союзам, стремление к расширению хозяйственной самостоятельности и независимости низовой сети.

Одной из первоочередных задач местных органов власти в 1920-е гг. была задача вовлечения в кооперацию деревенской бедноты, активность которой в этом деле была очень низкой. При общем середняцко-бедняцком составе членов сельхозкооперативов удельный вес зажиточных групп в их числе был значительно

выше их удельного веса в общей массе крестьянства. По подсчетам В. П. Данилова, крестьянское хозяйство, вступающее в кооператив, имело в среднем в 1,5 раза больше посева, чем некооперированное хозяйство [2, с. 258]. Следовательно, чем выше была имущественная и хозяйственная обеспеченность крестьянства, тем оно охотнее вступало в кооперацию.

Боязнь широкого развития в кооперации капиталистических элементов потребовала от советского государства активных мер по регулированию социального состава членов кооперативов. Была даже предпринята попытка установления прямых правовых ограничений. В качестве основного признака членства в сельхозкооперативах постановлением ЦИК и СНК от 27 августа 1924 г. вводилось «наличие права избирать в Советы» [4, с. 492]. Однако провести в жизнь это постановление не удалось. Исключение большого количества наиболее товарных хозяйств наносило ущерб кооперации и мешало развитию рыночных отношений. Против линии на запрещение участия в кооперации зажиточно-кулацких элементов деревни выступал председатель Совнаркома А. И. Рыков, настаивавший на предоставлении права участия в ней «...в целях большего охвата кооперацией всех процессов хозяйственной жизни деревни всем слоям крестьянства, занимающимся сельским хозяйством» [9, с. 10].

Для вовлечения в кооперацию бедняцких слоев деревни правительство разработало систему мер, направленных на облегчение условий вступления ее в кооперативы: устанавливались более низкие вступительные взносы, льготные сроки их выплаты, создавался фонд безвозмездной помощи в размере 10 млн рублей [8, д. 207, л. 53]. Однако экономическое состояние этой группы хозяйств оставалось еще тяжелым, и активность бедняцких слоев деревни в кооперативном движении оставалась чрезвычайно низкой.

В то же время, оценивая в целом итоги развития сельскохозяйственной кооперации к середине 1920-х гг., следует отметить, что масштабы кооперативной сети, ее хозяйственная деятельность заметно возросли. Только за период с 1924 г. по 1925 г. охват крестьянских хозяйств всеми видами сельхозкооперации в целом по РСФСР увеличился с 10 до 22,5% [6, д. 2639, л. 34]. В Вятской губернии к концу 1925 г. сельскохозяйственными кооперативами было объединено 122 209 крестьянских хозяйств, или 30,9% от общего числа хозяйств губернии [6].

Однако на рубеже 1925-1926 гг. в руководстве кооперацией наметилась тенденция к усилению огосударствления кооперативной системы. Основными направлениями, по которым шли деформация кооперативных принципов и изъятие основных функций сельскохозяйственной кооперации, стали выполнение госзаказа в форме закупки и заготовки сельхозпродукции, установление кооперативных цен на уровне, выгодном государству, т.е. значительно ниже рыночных. Изменилось политико-правовое положение кооперации. Повсеместная фиктивность выборов в правления кооперативов и их регулярные чистки от лиц, не разделявших платформу ВКП(б), превращали кооперацию в политический инструмент государства.

Анализ развития сельскохозяйственной кооперации позволяет сделать вывод, что крутого поворота в кооперативной политике государства с переходом к нэпу не произошло. Были лишь расширены ее права в сфере хозяйственной деятельности, которые во второй половине 1920-х гг. вновь стали круто сужаться, и к концу 1920-х гг. кооперация подверглась полному огосударствлению. В 1929-1932 гг. были ликвидированы все звенья сельскохозяйственной кооперации – от первичных объединений до всероссийских центров, что нанесло непоправимый урон российской деревне.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 6.
2. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 369 с.
3. Два года работы Нижегородского губисполкома XIII созыва. Нижний Новгород, 1925. 176 с.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 879 с.
5. Минин А. А. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М. – Л.: Кооперативное издательство, 1925. 172 с.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 3.
7. РГАЭ. Ф. 4110. Оп. 2.
8. РГАЭ. Ф. 7018. Оп. 2.
9. Рыков А. И. О кооперации: сборник статей и выступлений. М.: Гудок, 1925. 36 с.
10. Сельскохозяйственная кооперация в 1924-1925 гг. М. – Л., 1926. 77 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 61. Ст. 434.
12. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 158. Оп. 1.

AGRICULTURAL COOPERATIVES IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY: TENDENCIES AND CONTRADICTIONS OF DEVELOPMENT

Grekhova Nina Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
n_grehova@mail.ru

In the article on the basis of the package of various documents and materials, mainly archival ones, the problems and peculiarities of agricultural cooperatives development in the conditions of New Economic Policy are revealed. The main attention is drawn to the detection of the tendencies and contradictions in the cooperative policy of the state, which resulted in the full transfer into state ownership of cooperation in the country at the end of the 1920s. The social composition and size of agricultural cooperatives are analyzed.

Key words and phrases: New Economic Policy; cooperative policy; agricultural cooperatives; “wild cooperatives”; peasantry; transfer into state ownership of cooperation.